

УДК 339.9:338.1; 339.9:330.34

СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2004 С. П. Федосова

Воронежский филиал Российского государственного торгово-экономического университета

Обеспечение экономической безопасности страны — важнейшая экономическая, социальная и политическая проблема современной России, которая активно обсуждается и в научных кругах, и на государственном уровне. Официально декларированная государственная линия обеспечения экономической безопасности заключается в устранении угроз и нашла отражение в Государственной стратегии экономической безопасности РФ, Концепции национальной безопасности, других официальных документах. Такой официальный фундамент предопределяет соответствующий тон и большинства научных работ по проблемам экономической безопасности, в которых угроза — отправная точка всех определений и рассуждений. В результате система экономической безопасности рассматривается как система реагирования на возникающие угрозы национальной экономике. При этом схема официальных концептуальных документов и научных работ по экономической безопасности выглядит следующим образом: результаты макроэкономического анализа состояния экономики России — классификация угроз — задачи по улучшению практически всех экономических параметров страны. Рассмотрение внутренних угроз является доминирующим.

Считаем, что это необходимо на уровне аналитической работы, призванной дать оценку экономической обстановке в стране. В стратегическом плане важнее понимание вторичности угроз. Угрозы — это следствие определенных тенденций (преимущественно внешних), носящих негативный угрожающий для отечественной экономики характер и воплощающихся, в конечном счете, в их возникновение. Поэтому систе-

ма обеспечения экономической безопасности РФ концептуально должна быть ориентирована не на противостояние угрозам, а на формирование среды безопасности посредством предупреждающих действий. В отсутствие механизма таких действий, существующие разработки по экономической безопасности страны носят ярко выраженный оборонительный характер, что является неэффективной, заведомо проигрышной позицией.

Интенсивная глобализация связывает экономики различных стран в единую систему, при этом принципиально меняется соотношение эндогенных и экзогенных факторов развития национальных экономик, поэтому концептуальное видение экономической безопасности — это философское видение позиции страны в системе глобальной экономики настоящего и будущего.

В условиях глобализации основой конструирования механизма предупреждающих действий, на наш взгляд, должен быть глубинный анализ геоэкономического пространства и в его рамках закономерностей функционирования отдельных национальных хозяйств, позволяющий выявить резервы развития национальной экономики, предотвратить многие угрозы, выработать стратегию интегрирования России в мировое экономическое пространство и эффективную стратегию ее экономической безопасности.

Прежде всего, следует принять во внимание факт неоднородности мирового экономического пространства, осознав, что эта неоднородность — вопрос более сложный, чем может показаться на первый взгляд. Дифференциация уровней экономического развития стран такова, что мировая эконо-

мическая система представляет собой отнюдь не плавный переход от более развитых к менее развитым странам. Разрыв между богатыми и бедными странами слишком глубок, а распределение материальных благ слишком неравномерно. В настоящее время 86 % потребления приходится на 1/5 часть населения (что составляет немногим более одного миллиарда), и только лишь 14 % — на 4/5¹.

В мировой экономической системе объективно можно выделить разноуровневые зоны, сгруппированные из стран, значительно отличающихся уровнем заработной платы, объемом национального дохода (в том числе на душу населения), уровнем жизни. Четкая очерченность таких зон явилась отправной точкой возникновения «мир-системной» концепции, основоположниками которой считаются американский экономист Иммануил Валлерстайн и немецкий экономист Андре Гундер Франк. В этой концепции мир делится на «центр» (экономически развитые страны), «полупериферию» и «периферию». У отечественных экономистов также встречается практически аналогичное деление всех стран на три группы:

— развитые и богатые, в которых ВВП на душу населения составляет не менее 15 тыс. дол. в год;

— среднеразвитые — от 4 (или от 5) до 15 тыс. дол. Более детально анализируя среднеразвитые страны, в их числе выделяют:

I эшелон — 7—15 тыс. дол.;

II эшелон — 4(5)—7 тыс. дол.;

— бедные — менее 4(5) тыс. дол. в год².

Отметим, что Россия, согласно данным World Development Indicators о ВВП на душу населения, находится во II эшелоне стран среднего уровня развития. Исследования экономистов и историков, отслеживающих экономическую сторону исторического развития, начиная иногда еще с периода средневековья — Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, Д. Феллони, Ф. Спунера, Г. Ван дер Вее, Ч. Киндлбергера, А. де Серриона и др. — показывают, что разноуров-

невые зоны отнюдь не являются продуктом современного периода развития мирового хозяйства. Например, Ф.Бродель отмечает, что впервые разграничение таких зон стало заметным в Европе между XI и XIII веками. И. Валлерстайн считает, что позднее — в XVI веке. При этом большинство исследователей этой проблемы единодушны в том, что в XX веке деление стран на ядро, полупериферию и периферию окончательно оформилось и стало воспроизводиться в планетарном масштабе, и что на современном этапе развития мировой экономики на смену евроцентризму пришло многоцентрие.

Деление мировой системы на центр и периферию или на «первый» и «третий» мир стало привычным. В то же время наблюдается разнообразие научных взглядов на корни такой экономической дифференциации. В 60-е гг. проблема отставания экономического развития одних стран от других рассматривалась как технико-экономическая, доминировала идея модернизации традиционной экономики. Считалось, что проблемы отстающих стран аналогичны тем, которые в прошлом решали страны, ставшие ныне развитыми, и они преодолимы. В наиболее законченном и систематизированном виде идея модернизации раскрыта в теоретической конструкции Уолта Ростоу, изложенной в работе «Некоммунистический Манифест»³. Однако такой теоретический подход не подтверждается практикой. Теория модернизации, верно отражая отдельные процессы, не может объяснить мир-экономику как стратифицированную историческую систему в целом.

Считаем, что между зонами существует качественный барьер, понимание происхождения которого становится особенно важным для России, оказавшейся в результате экономического спада 90-х гг., на стыке с периферией мирового хозяйства. Поиски выхода из сложившейся ситуации без определения закономерностей динамики соотношения сил между нациями, наш взгляд, эффективны. «Уповать на то, что рынок сейчас неожиданно уравнивает людей и регионы — после столетий, если не тысячелетий,

¹ Кочетов, Э.Г. Стратегия развития: геоэкономическая модель // Безопасность Евразии, 2000, № 1. С. 177.

² См., например, Глазьев, С.Ю. Как победить бедность в богатой стране. М., 2003. С. 7.

³ Rostow, W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. London, 1960.

их поляризации — действительно сродни вере в магию»⁴.

«Изобретение» собственных внутренних рецептов преодоления «барьеров» между зонами экономического развития нерационально. Поэтому заслуживают внимания научные работы, областью исследования которых является специализация стран в системе международного разделения труда, объясняющая преимущества для одних из них и упущенные возможности для других. К таким работам относятся труды С. Амина, Р. Пребиша, Ф. Броделя, А. Франка, И. Валлерстайна и других зарубежных экономистов, в которых прослеживается стремление перенести акцент на сам механизм установления различной специализации.

Со времени создания теории сравнительных преимуществ и ее дополнения теорией факторных пропорций в международной торговле произошли принципиальные изменения, которые теоретическую взаимовыгодность превратили, по сути, в практическую одностороннюю выгоду развитых стран. Согласно теории сравнительных преимуществ, заинтересованность во взаимной торговле тем сильнее, чем больше разница в издержках на производство товара внутри страны и в случае его импорта. Но разница в издержках производства товара является движущей силой, в основном, межотраслевой торговли (международной торговли продукцией разных отраслей сельского хозяйства и промышленности), которую в последние десятилетия XX столетия вытеснила внутриотраслевая торговля (встречный обмен готовыми изделиями одной товарной номенклатуры и обмен компонентами готовых изделий). В настоящее время на межотраслевую торговлю приходится только 1/4 мирового товарооборота, в то время как на внутриотраслевую — более 70 % (3/4). При этом внутриотраслевая торговля является в основном нишей развитых стран, поскольку во внешнем товарообороте страны ее тем выше, чем больший удельный вес в производственной структуре занимают науко- и техноёмкие отрасли. Межотраслевая торговля совершается между развивающимися и развитыми странами, а также — между раз-

вивающимися странами. Т.о. теория сравнительных преимуществ во многом перестает объяснять механизм взаимной торговли между высокоразвитыми странами, способными производить почти одинаково широкий набор высококачественных готовых изделий.

Развитые страны, заняв основную нишу мирового товарообмена, расширяют ее, главную роль при этом играют узкая специализация в производстве науко- и техноёмких товаров и эффект масштаба. Обосновать вытеснение из этой ниши менее развитых стран тем, что иная специализация дает им сравнительные преимущества, не представляется возможным, поскольку та ниша мирового товарообмена, в которой можно эти сравнительные преимущества реализовать (межотраслевая торговля) является незначительной.

В работах С. Амина, Ф. Броделя, А. Франка, И. Валлерстайна отстаивается точка зрения, согласно которой различная специализация в рамках международного разделения труда основывается не только на взаимовыгодности. При изучении работ вышеназванных авторов в области международного разделения труда и обмена и суммировании присутствующих в них выводов, складывается определенное представление о цепи, посредством которой экономики ведущих стран избавляются от необходимости самим осуществлять наименее рентабельные производства, а у подчиненных им экономик ограничиваются возможности переориентации своей специализации на прибыльные виды деятельности. Следует отметить, что вышеназванные исследователи считают, что в процессе международного разделения труда значительную роль играет зависимость одних стран от других, прежде всего долговая.

Мы склонны рассматривать долг как вспомогательное средство, которое способствует формированию определенной специализации страны. В то же время нельзя не согласиться с А. Франком, утверждающим, что страна, включаясь в мировое капиталистическое хозяйство в качестве подчиненного партнера по истечении определенного времени теряет способность к прогрессивному развитию⁵. Существует механизм закреп-

⁴ Франк, А. Смещение мировых центров с Востока на Запад // Латинская Америка. 1993. № 2. С. 11.

⁵ Frank, A.G. World Accumulation, 1492—1789. — N.Y.—L., 1978.

ления специализации, который является механизмом утраты потенциала прогрессивного развития, и в котором долг является только одним из звеньев. Значительный вклад в изучение этого механизма вносит труд американского ученого Иммануила Валлерстайна «Современная мир-система», название которого определило содержание целой парадигмы.

И. Валлерстайн утверждает, что современный мир — это не просто совокупность стран, а целостная межгосударственная система (мир-экономика), основанная на международном разделении труда. Мир-экономика, возникнув еще в XVI веке, основывается на целостных процессах производства, которые И. Валлерстайн называет товарными цепями, и которые не совпадают с политическими границами. Специализация экономик отдельных стран формируется в рамках межгосударственной системы, а сами экономики являются ее структурно-функциональными элементами. Общий прибавочный продукт, извлекающийся из товарных потоков в рамках межгосударственной системы, распределяется неравномерно. Зона, которая в силу невыгодного положения в системе международного разделения труда, утрачивает значительную часть прибавочного продукта в пользу другой — это периферия. Способом контроля над мировым разделением труда является относительная монополизация определенного (ведущего) сегмента товарной цепи. Борьба за эту монополию является движущей силой экономического прогресса, различные этапы которого — результат попыток подорвать уже существующую чужую монополию или установить свою⁶.

Ключевое звено в концепции И. Валлерстайна — монополизация определенного участка товарных цепей как способ контроля над распределением прибавочного продукта — наводит на определенные размышления по поводу закономерностей происходящих в мировой экономике изменений. А. Неклесса выделяет три фазы капитализма:

1. торгово-финансовая (XV—XVIII вв.);
2. индустриальная (XVIII—XX вв.);
3. геоэкономическая⁷.

⁶ *Wallerstein, I. The Capitalist World-Economy. Cambridge etc., 1979.*

⁷ *Неклесса, А.И. Четвертый порядок: пришествие постиндустриального мира // Полис. 2000. № 6. С. 6—23.*

Расцвет первой фазы связан с эпохой географических открытий, развитием судоходства и, соответственно, заморской торговли. Вполне логично, что этот период характеризуется морскими войнами, в процессе которых несколько европейских морских держав установили монополию на посредничество в экономических контактах между удаленными друг от друга территориями. Однако, в большей степени эта фаза капитализма связывается с развитием различных форм кредитно-денежных отношений, и, прежде всего, с таким эпохальным изобретением, ассигнации. Отметим, что Ф. Бродель, прослеживая последовательную смену господствовавших центров Запада — Венеции, Антверпена, Генуи, Амстердама, Лондона, — констатировал, что первые три из них не обладали полным арсеналом экономического могущества (прежде всего, не обладали промышленным превосходством), но при этом они обладали банкирским первенством⁸. А так как выдвигание этих центров приходилось на период первой фазы такое первенство было определяющим. Параллельные исследования в области экономической истории подтверждают в этом временном периоде связь перехода экономического господства от одного центра к другому с доминированием в финансовой сфере. Финансовое доминирование центров было обусловлено транзитом через них денежного металла, поэтому оно связано и с характерной для этого этапа монополизацией торговых путей.

Переход экономического доминирования от Голландии к Англии в большей степени связан с захватом лидерства в промышленности, поскольку в конце XVIII — начале XIX вв. наступил закат торгово-финансовой фазы развития капитализма, во многом обусловленный упрочением государств, кредитовавших свои расходы путем выпуска государственных ценных бумаг и централизованной денежной эмиссии. На смену пришла новая ниша масштабной деятельности — индустриальное промышленное производство, развивавшееся в период XVIII—XX вв. по стремительно восходящей линии. В индустриальной фазе прослеживалась

⁸ *Бродель, Ф. Время мира. Т.3. XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. С. 27.*

связь мирового лидерства с монополизацией ведущего направления мирового экономического развития. Большую часть этого периода центром мировой экономики являлась Великобритания, вплоть до середины XIX века обладавшая монополией на фабричные технологии производства товаров.

К середине XIX века промышленная революция добралась до Бельгии и Франции, к 1870 г. — до Германии и Швеции, к 1880 г. — до России. Монополия Великобритании на массовое фабричное производство постепенно была утрачена. «Эта монополия Англии — писал В. И. Ленин, — уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий:...монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров»⁹. Ленин имеет в виду вывоз этими странами капитала за рубеж и колониальный раздел мира между ними, завершившийся к XX веку. Обращает на себя внимание, что в условиях временного отсутствия экономико-технологической монополии, стремление ведущих держав к управлению определенными территориями проявилось в форме установления прямого политического контроля и различного рода торговых ограничений. Отказ колониальных держав от политических методов управления зависимыми территориями, официально объясняемый ростом антиколониального движения, совпал с зарождением следующей фазы капитализма, принесшей возможность установления новой экономико-технологической монополии, способной эффективно поддерживать неравномерность развития и, соответственно, неравноправность специализации.

Современную фазу капитализма А. Неклесса называет геоэкономической, делая акцент на возникшей в рамках мировой экономики системе отношений, характеризующейся переплетением национальных и наднациональных экономических и государ-

⁹ Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 27. С. 359.

ственных структур. Если на передний план вынести технологическую основу современной фазы, то более точное ее название — постиндустриальная.

Толчком к переходу в постиндустриальную фазу развития в некотором роде послужил «нефтяной шок» 70-х гг. XX века, последовавший за соглашениями стран-членов ОПЕК. В условиях резкого повышения цены на нефть страны Запада резко форсировали темпы научно-технического прогресса с целью осуществления структурной перестройки экономики. В условиях нарастающего кризиса индустриализма эта структурная перестройка оказалась более чем своевременной.

Базовые прорывы в сфере информационно-компьютерных технологий, в биотехнологии и генетике, совершенные в 70-е гг., повлекли за собой огромные научные и экономические изменения, которые можно классифицировать как экономическую революцию, в ходе которой главной движущей силой мировой экономики стали высокотехнологичные отрасли. Эта революция продолжалась и в 90-е гг., но приобрела очертания информационной и характеризовалась максимальным внедрением в сетях мультимедийных технологий.

Можно ли в современной фазе развития капитализма найти связь экономического лидерства стран ядра с монополизацией ведущей сферы мировой экономики — сферы высоких технологий? Безусловно. Страны ядра — США и страны Западной Европы — сконцентрировали в своих границах практически весь технологический и научно-интеллектуальный потенциал человечества. Они являются сегодня центром производства глобальных технологий не имеющим конкурентов и осуществляющим диктат технологических стандартов.

В настоящее время семь ведущих постиндустриальных держав (страны G7) обладают 80,4 % мировой компьютерной техники, владеют 97 % зарегистрированных в мире патентов и лицензий, обеспечивают 90,5 % высокотехнологичного производства¹⁰. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что диспропорции в распределении научно-

¹⁰ Постиндустриальный мир и Россия. / под. ред. В. Г. Хороса, В. А. Красильщикова. М., 2001. С. 112.

технического потенциала, как и общественного богатства, между странами ядра и прочими регионами мира достигли беспрецедентного масштаба.

На основании вышеизложенного мы склонны считать, что ключом вхождения в зону «ядра» является монополизация ведущего на том или ином этапе развития сектора мировой экономики, которая дает возможность осуществившим ее странам управлять процессом международного разделения труда, специализироваться на наиболее рентабельных видах деятельности. На настоящем этапе развития мировой экономики ограниченное количество стран, монополизировав сферу высоких технологий, получили возможность в системе международного разделения труда специализироваться на производстве высокотехнологичной продукции. Именно в этом мы усматриваем фактор, который привносит в экономику стран ядра новое качество развития, поскольку получаемые в результате такой специализации экономические выгоды трудно переоценить.

Специализация постиндустриальных стран на высокотехнологичных изделиях влечет за собой большие возможности по расширению экспорта. Во-первых, рост потребления таких изделий менее ограничен по сравнению с ростом потребления традиционных товаров. Во-вторых, такие изделия наиболее диверсифицированы по номенклатуре. В-третьих, структура предложения таких изделий у различных продавцов является скорее дополняющей друг друга, нежели конкурентной при ограниченном количестве продавцов. Поэтому постиндустриальные страны, используя ВТО, ратуют за создание полностью либерализованного рынка для как можно большего числа стран-партнеров. Отметим, что просматривается четкая связь между обладанием технологической монополией и заинтересованностью в свободной торговле. В свое время Великобритания, занимая монопольное положение «мастерской всего мира», так же была заинтересована в свободной торговле и всемерно содействовала распространению фритредерства.

Монополизация сферы создания высокотехнологичной продукции в условиях по-

всемерно предъявляемого на нее высокого спроса, влечет за собой дополнительные выгоды для ее создателей, связанные с ценообразованием, поскольку ценообразование на эту продукцию определяется законами цен монопольных благ. В настоящее время от 50 до 70 % цен товаров, произведенных наукоемкими отраслями, составляет интеллектуальная рента результат исключительного положения узкого круга создателей наукоемкой продукции по отношению к прочим производителям. Эта рента увеличивает «ножницы цен» (растущую разницу в ценах на готовую продукцию и сырье) и, соответственно, обеспечивает странам ядра дополнительные возможности дальнейшего научно-технического прогресса. Для подавляющей части населения стран ядра обеспечивается уровень жизни на порядок выше других, что является условием сохранения и дальнейшего усиления монополизации сферы высоких технологий. Для понимания механизма такой монополизации важно понять роль массового потребления в конструкции постиндустриальной экономики.

На постиндустриальной стадии развития экономики главным производительным ресурсом становятся знания, интеллект, на конечный экономический результат начинает влиять высокое личное потребление граждан — важнейшее условие самовозрастания интеллектуального капитала. Расходы потребителей превращаются в важнейший фактор экономического роста. Высокие доходы и, соответственно, высокий уровень потребления общества в целом способствуют раскрепощению и развитию личности, открывают новые возможности повышения уровня образованности общества, формируют интеллектуальную элиту. Важно отметить, что высокий уровень потребления, корреляция между уровнем образования и дальнейшим ростом личного потребления в постиндустриальных обществах естественным образом способствуют изъятию интеллекта из менее развитых в развитые страны.

Таким образом, высокий уровень жизни в постиндустриальных странах является одной из основ всей конструкции постиндустриальной экономики. Он служит питатель-

ной средой для ее основного производственного ресурса — интеллектуального капитала — и, посредством высоких затрат на образование, системы доходов, заинтересовывающей в развитии образования, изъятию интеллектуального капитала из менее развитых стран, способствует монополизации этого ресурса, а значит — монополизации постиндустриального уклада.

Связь монополизации интеллектуального капитала с монополизацией постиндустриального производства подтверждают многочисленные примеры международного кооперирования на базе разделения производственного процесса на отдельные операции. Теоретически, для снижения издержек производства деталей или изделий сборки, развитым странам было бы значительно выгоднее выносить отдельные звенья технологической цепочки в менее развитые страны, где ниже оплата труда, экологические и другие затраты на единицу продукции. Однако фактически масштабы производственного кооперирования значительно больше между самими развитыми странами. В расчете на каждое государство ОЭСР приходится в среднем по 13 млрд дол. взаимных поставок полупродуктов, тогда как на остальные 180 с лишним стран — не более, чем по 0,8 млрд дол., то есть в 16,7 раз меньше¹¹. Объяснение простое: в менее развитых странах отсутствует нужная квалификация местных кадров, а в развитых странах уровень квалификации рабочей силы примерно одинаков. В результате между последними преимущественно и складываются тесные производственные узы. Это прочно привязывает их национальные хозяйства друг к другу, и, соответственно, все больше отделяет их от прочего массива стран.

Ключевое значение отмеченной монополизации, на наш взгляд, заключается в том, что она дает возможность странам ядра сконцентрироваться на выгодной специализации, «сбросив» менее эффективные производства другим странам. Именно монополия на информационные технологии дает странам ядра возможность освободиться от производства промышленной продукции, по-

скольку гарантирует приток реальных материальных благ взамен экспортируемой ими «информации».

Понимание отмеченной системы каскадного перелива производств различного техно- и наукоемкого уровня крайне необходимо для подтверждения жизнеспособности мир-системной концепции.

В последние годы сторонники теории модернизации У. Ростоу подчеркивают, что на периферии и полупериферии развивается индустриализация, а, следовательно, уменьшается разрыв между ядром, полупериферией и периферией. Главным образом, имеется в виду экономический рывок «азиатских тигров».

Страны, прозванные азиатскими «тиграми» (Ю. Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины), расположенные за цивилизационными границами центра мировой экономики, начиная с середины XX столетия, повторили путь индустриального развития Запада, и по некоторым показателям достигли его социально-экономического и технологического уровня. На протяжении почти трех десятилетий, с середины 60-х гг. до лета 1997 г. азиатские «тигры» друг за другом демонстрировали миру рекордные темпы экономического роста. Их ВВП возрастал на 7—10 % в год и за 20 лет увеличился в 4—5 раз, что, безусловно, является выдающимся достижением. Уровень жизни в этих странах за годы индустриализации колоссально вырос. Но главное — в экономике этих стран произошли принципиальные структурные изменения, которые проявились в значительном увеличении доли готовых изделий в товарной структуре их экспорта.

Принципиально важным в оценке этого экономического рывка является то, что сокращение разрыва в уровне индустриализации произошло на фоне нарастания разрыва между развитием промышленности и деятельностью ядрового типа. Индустриализация полупериферии не подорвала иерархию стран в рамках мировой экономической системы, а означала лишь периферизацию индустриализации. Индустриальный мир перестал быть центром, поскольку с начала 70-х гг. ядро постепенно стало деиндустриализовываться.

¹¹ Yeats, A.J. Just How Big is Global Production Sharing? / The World Bank Policy Research Working Paper № 1871. January, 1998. P. 5—7.

Очевидна связь между заинтересованностью стран ядра деиндустриализировать свою экономику и резким экономическим прорывом «азиатских тигров». США и, частично, Западная Европа осуществили «сброс» индустриального производства именно в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. С помощью ТНК туда была переведена часть предприятий по производству товаров массового спроса. Именно этим, на наш взгляд, объясняется следующее интересное явление: с середины 80-х до середины 90-х гг. доля развивающихся стран в общем объеме прямых иностранных инвестиций увеличилась с 19,2 до 31,7 %, то есть на 12,5 процентных пунктов. При этом доля стран Восточной и Юго-Восточной Азии в общем объеме прямых иностранных инвестиций увеличилась с 8,3 до 19,8 %, то есть на 11,5 процентных пунктов. Произошедшее перераспределение прямых иностранных инвестиций в пользу развивающихся стран означало их перераспределение в пользу азиатских «тигров».

Экономический прорыв «азиатских тигров» — результат внешнего толчка со стороны стран ядра, которые этот прорыв инициировали и направили в необходимое им русло. Подтверждением этого является, во-первых, модель ускоренного «догоняющего» развития — экономического рывка азиатских стран. Эта модель была разработана западными экономистами, и ее фундаментом являлись широкомасштабные заимствования технологий, знаний и капиталов у развитых стран. Без помощи западных стран азиатские «тигры» не смогли бы осуществить структурную перестройку экономики и повысить технологичность своего производства, поскольку сами собственных оригинальных технологий практически не создавали. Во-вторых, в азиатских странах наблюдалась высочайшая взаимосвязь темпов экономического роста с наращиванием экспортной деятельности. Рост торговли товарами и услугами составлял в среднем 14 % ежегодно¹². Южная Корея, Тайвань, Сингапур вошли в число 20 крупнейших стран-экспортеров, что является поистине прорывом в мировую торговлю. На протяжении 15 лет до кризиса 1997 г. 42 % экономического ро-

ста Южной Кореи и 74 % экономического роста Тайваня было обусловлено закупками продукции этих стран со стороны одних только США. Отношение экспорта к ВВП, в США не превышающее 7—8 %, составляло накануне кризиса 1997 г. в Индонезии 21,9 %, в Южной Корее — 26,8 %, в Таиланде — 30,2 %, в Малайзии — 78,8 %, а в Сингапуре — 132,9 %. В-третьих, структурные изменения в экономике «азиатских тигров» были ориентированы на спрос на внешних рынках (прежде всего, на рынках стран ядра), что собственно и сделало возможной отмеченную экспортную экспансию. К началу 90-х гг. их экспорт покрывал обширные ниши на рынках промышленных товаров развитых стран. Поставки азиатских стран составляли 24,7 % всего импортированного развитыми странами конторского и телекоммуникационного оборудования, 22,3 % — оргтехники, 37,8 % — одежды, 30,4 % — обуви¹³. Более половины всей экспортируемой «азиатскими тиграми» продукции направлялось в страны ОЭСР. Предприятия и отрасли промышленности, работавшие на экспорт, были слабо связаны с фирмами, ориентированными преимущественно на внутренний рынок. Фактически в «азиатских тиграх» сложилась двухсекторная экономика. Один сектор, конкурентоспособный на мировом рынке, быстро осваивал новые технологии, другой был замкнут на внутренний рынок и получал очень мало выгод от экспортной экспансии первого.

Модель догоняющего развития изначально ориентирована на определенные границы внешнего толчка, обусловленные его целью — «сброс» устаревшего технологического уклада в менее развитые страны. В контексте установления границ обращает на себя внимание, что практически все инвестиционные накопления, аккумулированные азиатскими странами с целью дальнейшего качественного технологического рывка и приближения к постиндустриальному укладу были потеряны в ходе финансового кризиса 1997 г. В азиатском кризисе мы видим намеренную попытку ослабления растущих конкурентов. Транснациональный капитал

¹³ Красильщиков, В.А. Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки). С. 354.

¹² World Development Indicators. 2001. P. 315.

обладает такой финансовой мощью, при которой становится возможным при желании обрушить финансовые рынки практически любого государства. Перемещение 1—2 % массы денег, находящихся в частном секторе, вполне способно изменить паритет любых национальных валют. Государства не в состоянии осуществлять финансовые интервенции, достаточные для противодействия масштабным финансовым операциям ТНК. Кризисы финансовых рынков — событие далеко не каждого дня; они перемежаются достаточно длительными периодами относительной финансовой стабильности. Считаем, что крупномасштабные приливы и отливы транснационального финансового капитала являются во многом согласованными акциями, преследующими заранее определенные цели.

Заинтересованность стран ядра в том, чтобы переход экономик прочих стран на постиндустриальные рельсы не состоялся вполне обоснован. Иначе будет размыта их монополия, а, значит, утрачены все вышеперечисленные преимущества.

На наш взгляд, есть и другая объективная причина этой заинтересованности. Гипотетические расчеты показывают, что если все развивающиеся страны достигнут уровня жизни США, земные ресурсы будут исчерпаны уже в считанные годы¹⁴. Такие расчеты послужили отправной точкой концепция «золотого миллиарда», в соответствии с которой обеспеченное существование на планете может быть гарантировано только миллиарду населения наиболее развитых стран.

В связи с вышеизложенным мы склонны рассматривать идею о необходимости и возможности достижения международной экономической безопасности, встречающуюся у ряда отечественных экономистов, как экономический романтизм. По мере усиления интернационализации производственных процессов возможность достижения международной безопасности становится все более призрачной, поскольку залогом процветания одних стран становится лишение других стран предпосылок такого процве-

тания. Группа стран ядра стремится монополизировать производительные ресурсы, являющиеся основными для ведущего сектора мировой экономики. Это дает возможность в рамках международного разделения труда сконцентрироваться на наиболее выгодной специализации, соответственно, сбросив менее выгодные специализации другим странам.

В длительной временной перспективе различие в специализации стран будет усиливать дифференциацию уровней их экономического развития. Страны, специализирующиеся на производстве продукции нижних этажей торговой пирамиды (прежде всего, сырьевой продукции) в силу существующих «ножниц цен» будут уступать часть своего дохода более развитым странам. А значит упускать возможности дальнейшего экономического развития и закреплять сложившуюся специализацию. Исходом такой ситуации может быть вовлечение страны в «порочный круг нищеты» со следующей констатацией взаимосвязей:

— отсталая экономика → низкая производительность труда + специализация на производстве продукции нижних этажей торговой пирамиды → низкие темпы роста + ограниченные возможности экспорта + уступка части дохода развитым странам → низкий уровень доходов → нехватка капитала + низкий уровень образования + низкий уровень потребления → нехватка человеческого капитала + узость внутреннего рынка + недостаточный стимул к инвестированию → отсталая экономика.

Страны ядра за счет наиболее выгодной специализации приобретают дополнительные возможности для развития. Относительно настоящего периода можно даже сказать, что постиндустриальные страны попадают в колею раскручивающейся спирали благосостояния:

— специализация на высокотехнологичных изделиях → наибольшие возможности по расширению экспорта + наибольшая добавленная стоимость + интеллектуальная рента + часть дохода других стран, уступаемая за счет «ножниц цен» (внешний толчок) → уровень жизни на порядок выше, чем в прочих странах → высокие затраты на образование, накопление интеллектуально-

¹⁴ Ващекин, Н.П., Мунтян, М.А., Урсул, А.Д. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие. — М.: Изд-во МГУК. 2000. С. 52.

го капитала и его изъятие из других стран, дополнительные возможности осуществления дальнейшего НТП → замыкание производственных связей и инвестиционных потоков в своих же границах → сохранение и дальнейшее усиление монополизации сферы высоких технологий → сброс менее эффективных производств другим странам → закрепление наиболее выгодной специализации → увеличение получаемых доходов и, соответственно, уровня жизни и т.д.

Вышесказанное, по нашему мнению, должно способствовать формированию предупреждающего представления об определенных «правилах игры», которые действуют в геоэкономическом пространстве, связывающем экономики различных стран, вовлеченных в процесс глобализации, в единую систему. Выработка действенной и эффективной стратегии экономической безопасности страны нам представляется возможной только с учетом этих правил. В этом случае появляется целостный научный подход к пониманию того, каким образом страна в системе мирохозяйственных связей может занять положение, способствующее ее прогрессивному экономическому развитию, обоснованно расставить акценты в вопросах главных и второстепенных опасностей для отечественной экономики при ее «встраивании» в мировое хозяйство, резервов развития.

Эффективный стратегический подход к достижению экономической безопасности

должен представлять собой поиски возможностей такого структурного взаимодействия национальной экономики с другими, которое способствовало бы ее прогрессивному развитию.

Считаем, что о состоянии экономической безопасности можно говорить применительно только к тем странам, которые, не попав в ловушки развития, располагают заделом для прогрессивных структурных преобразований экономики и имеют шанс со временем войти в постиндустриальное общество.

Особо подчеркнем следующее. Россия унаследовала от СССР высокий накопленный интеллектуальный капитал, мощную научно-техническую базу, отлаженную высококачественную систему образования. В экономике СССР в 60—70-е гг. сформировался костяк постиндустриального технологического уклада в виде соответствующей совокупности отраслей (электроника, аэрокосмическая и телекоммуникационная техника), который соответствовал мировому уровню, а по ряду позиций (например, в аэрокосмической области) и превосходил его. Теряя этот задел для постиндустриального развития, Россия упускает шанс вхождения в сообщество постиндустриальных стран. В условиях современных мирохозяйственных реалий возможность экономического прорыва, «несанкционированного» странами ядра, представляется малореальной.